УДК 930.1

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ В ИЗОБРАЖЕНИИ Г.П. ФЕДОТОВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Л.А. Гаман

Северский государственный технологический институт
E-mail: secretary@sti.edu.ru

Анализируются некоторые аспекты концепции советской истории русского религиозного мыслителя Г.П. Федотова (1886–1951), в основных своих чертах сложившейся в поздний период творчества.

Многие представители русской религиозной мысли, оказавшись за пределами России, не переставали внимательно изучать процессы, происходившие на родине. Живой интерес к жизни своей страны питался не только искренней к ней любовью. Он мотивировался и глубокой верой в будущую востребованность сохранённой и обогащённой в изгнании религиозно-философской мысли, как части русской культуры [1]. В ряду ярких представителей русского зарубежья, осознававших себя продолжателями отечественной духовной традиции, видное место занимает религиозный мыслитель, историк Г.П. Федотов (1886–1951). Интеллектуально-духовное наследие его, разноплановое и удивительно богатое по своему содержанию, попрежнему остаётся созвучным современной России. Среди множества тем, привлекавших внимание учёного, можно выделить целый комплекс, связанный с советским этапом российской истории. Особенную глубину и научную значимость его размышлениям о Советской России придают интеллектуальная честность учёного, неизменно подчёркиваемая исследователями [2–4] равно как его активная гражданская позиция в годы жизни в России и в эмиграции. Несомненная актуальность этой части творческого наследия Г.П. Федотова отчасти обусловлена настойчивыми попытками современной отечественной историографии, выработать взвешенные подходы к недавнему прошлому страны, преодолеть многие мифологизированные представления о нём [5]. В свете сказанного представляется возможным обозначить в качестве ключевой задачи статьи систематическое освещение некоторых аспектов историко-философских взглядов Г.П. Федотова о советской истории. Причём, в данной работе автором сознательно делается акцент на освещении ряда позитивных явлений советской истории, отмеченных учёным. Это, однако, не означает игнорирования обоснованной его критики негативных процессов, имевших место в Советской России.

Объективное исследование сложного, противоречивого характера советской истории призвано способствовать формированию здорового исторического сознания, важнейшим конструктом кото-

рого является идея исторической преемственности [6]. Размышляя над этой проблемой, Федотов писал: «Всякое создание культуры имеет общий фон, который состоит из традиций, из соединённых усилий народа, из «общего дела». Взятая из большой дали, культура обнаруживает единство – по крайней мере, единство направленности ...» Федотов [7, 8]. Историческая преемственность предполагает генетическую связь всех временных модальностей, что, в частности способствует сохранению неповторимой индивидуальности отдельного народа в общей канве мировой истории.

Существенно, что Федотов никогда не сомневался в принадлежности советского периода общей линии развития российской истории, несмотря на глубокий культурный разлом страны, произошедший в результате русской революции. Идея исторической преемственности может быть отнесена к разряду основополагающих в историко-философских построениях учёного. Причём, её присутствие прослеживается не только в анализе макроисторических процессов, но и в явлениях менее масштабного порядка. Так, исследуя социальный портрет «антилиберального» советского человека, опираясь при этом на свой метод «индивидуализации культурно-исторических типов», [3] учёный, в частности, указал на его глубокую типологическую близость по социально-психологическим показателям «московскому» человеку, строителю и защитнику допетровского русского государства. Первый «ближе к москвичу своим гордым национальным сознанием, его страна единственно православная, единственно социалистическая – первая в мире: третий Рим... Может показаться странным говорить о московском типе в применении к динамизму советской России ... Однако это движение идёт по линии внешнего строительства, преимущественно технического ... За внешним бурным ... движением – внутренний невозмутимый покой», – подчёркивал Федотов [9].

Оригинально истолкованная в свете проблемы преемственности идея «наложения исторических эпох» позволила, в частности, приблизиться к глубокому пониманию многих болевых проблем отечественной истории XX в., в том числе природы «сталинократии». Эту последнюю он связывал не только с практикой большевизма, но и с русской традицией деспотической власти, ведущей своё начало от Ивана Калиты и его потомков. «Разве деспотизм преемников Калиты, уничтоживший и самоуправление уделов, и вольных городов, подавивший независимость боярства и Церкви, – не привели к склерозу социального тела империи, к бессилию средних классов и к «черносотенному» стилю народной «большевистской» революции?», [10] – замечал Федотов. Свою роль, безусловно, играл и предельно низкий культурный уровень самого Сталина, что объективно подчёркивалось учёным [11]. Таким образом, обращаясь к исследованию Советской России, Федотов руководствовался фундаментальной теоретической посылкой, в соответствии с которой советский период мог быть объективно истолкован лишь в контексте российского исторического процесса.

Важным методологическим принципом Федотова, как религиозного мыслителя, являлось признание единой христианской природы европейской цивилизации, важнейшей составной частью которой являлась её российская ветвь. Основные тенденции мировой истории, в первую очередь, нового и новейшего времени, справедливо полагал он, были обусловлены общностью истоков двух внешне столь непохожих миров. Это не означало игнорирования специфики отдельных культур. Как указывалось выше, признание социально-культурных особенностей отдельных народов рассматривалось учёным в качестве важнейшего условия познания исторического процесса. В связи с этим, Федотов, в частности, подчёркивал: «... надо приучиться видеть Россию в русском свете, а Европу в европейском, не путая безнадёжно нашего двойного опыта». [12]

Признание многообразия мира при его коренном единстве подталкивало мыслителя к поиску критериев, которые позволяли бы глубже понять специфические особенности западной и российской культур, равно как природу конкретных исторических событий и явлений. Один из таких важнейших критериев, которым он руководствовался в процессе познания истории, получил следующую формулировку: «... правда достоинства человеческой личности и религиозного смысла соборного дела культуры» [12]. Применительно к изучению советской истории такой критерий должен был способствовать объективному выявлению достоинств и недостатков коммунизма и капитализма как идеологических и экономических систем. В своём общем значении он органично вписывался в основную историософскую схему русской религиозно-философской мысли, ключом к диалектике которой, как убедительно показал другой русский мыслитель, В.В. Зеньковский, являлась проблема «секуляризма» [13]. Одним из центральных методологических принципов Федотова стало представление о глубокой взаимозависимости процессов, протекающих в мире, которая лишь усиливалась по мере увеличения темпов глобализации. В качестве примера укажем на его размышления относительно ключевых факторов, обусловивших победу революции в России. Учёный подчёркивал, что таковыми стали «всенародность революции», высвободившей «огромные энергии ..., которые были перехвачены коммунистической фабрикой», и «социальное оскудение Европы», исключившее любые внешние препятствия для большевистского опыта [10]. Истоки социальной бесплодности Европы связывались учёным не только с непосредственной практикой западных правительств, но и с уклонением христианской Церкви от своей социальной функции. (Впрочем, это касалось, согласно Федотову, не только западного христианства, но и православия). Как полагал мыслитель, оттеснение социальной проблематики на периферию религиозного созна-

ния стало одной из важнейших предпосылок секуляризации культуры и развития процессов модернизации в новое время [14].

Таким образом, победа революции в России рассматривалась как результат сложного переплетения внутренних и внешних факторов. Ведь не случайно «моральная элита Европы» сочувственно относилась к советскому строительству в первое десятилетие существования Советской России. Учёный подчёркивал, кроме того, что Европа оказалась вынужденной отреагировать на социальную проблематику, остро поставленную русской революцией, в том числе и дальнейшим совершенствованием собственной социальной политики [12]. Ведущую тональность этим идеям придавало признание сложного характера коммуникации Европы и Советской России, включающей множество культурных, экономических и политических опосредований. Очевидна позитивность подобного подхода, в русле которого появляются дополнительные возможности для выявления особенностей российского варианта социокультурной модернизации.

Особое место в концепции Федотова занимала проблема природы и социальных последствий индустриализации. Теория Федотова содержательно близка современной теории модернизации, в русле которой индустриализация рассматривается как необходимое условие преодоления промышленной отсталости. Мыслитель не сомневался в её необходимости для России. Подчёркивал он, кроме того, «оборонный» характер советской индустриализации. «Сейчас цивилизация – самая низменная, техническая – имеет в России каритативное, христианское значение. Вопрос об оружии сложнее ... Во всяком случае, не она угрожает, а ей угрожают её враги, могущественные, безжалостные. Постольку оправдана, отчасти, военная тенденция её индустриализма», – подчёркивал Федотов [15].

Учёный не оставил без своего внимания сложную проблему ресурсов модернизации России, равно как мотивации непосредственных её участников. Стремясь к объективному её освещению, он указал на трагичное сочетание в практике советского строительства неслыханного насилия над русским народом и энтузиазма, подпитываемого, в частности, привлекательностью технического идеала капитализма, воплотившегося в мечте «Россия – Америка» [10]. Первая часть проблемы не связывалась учёным исключительно с деятельностью репрессивной системы в Советской России. Её составной частью в концепции Федотова являлась проблема допущения русским народом подобного насилия над собой, болезненную, для русского национального сознания и сегодня. Оно стало возможным, полагал он, в результате сложного взаимодействия целого комплекса социально – психологических факторов, начиная от «вековой привычки к повиновению» [7], и заканчивая рядом особенностей русского религиозного сознания, центральным компонентом которого является признание страдания как «высшего нравственного критерия, как почти абсолютной нравственной вершины» [16].

Федотов признавал высокую результативность технических достижений в Советской России. Более того, полагая, что техническое направление выбрано правильно, он прогнозировал динамичную трансформацию страны в сторону американской цивилизации в шпенглеровском смысле [15]. Другое дело, что темпы технического развития были постепенно утрачены. Главными причинами тому послужили ущемление свободы в России, с одной стороны, и «органическое головотяпство режима (отчасти совпадающее с самым духом большевизма)», блокировавшие многие разумные начинания, с другой [15, 17]. Озабоченность мыслителя скорее вызывал чрезмерный рост привлекательности технического идеала для советского человека, что грозило, как он полагал, окончательной утратой представлений о высшем призвании русского народа. В связи с этим он писал: «... как воссоздать в России тот разрушенный революцией культурный слой, который был способен поднять качество культурной работы и передвинуть центр интересов с вопросов техники к вопросам духа?» [15].

Анализируя глобальные изменения, происходившие в советском обществе, Федотов коснулся проблемы мещанства, как социального и духовного явления. Эта проблема, традиционная для русской религиозной мысли со времён Н. Гоголя, А. Герцена, К. Леонтьева не рассматривалась им исключительно негативно: «Социалистическому обществу не удалось избежать своего мещанства. Оно выполняет даже положительную морально-санитарную роль ...», – замечал учёный [18]. Анализируя одну из форм «социалистического мещанства», проявившуюся в частичной реставрации дореволюционного быта, включая социально-психологические его составляющие, он пришёл к выводу о формировании в Советской России своего рода среднего класса, без которого «общество – всякое общество – раскололось бы на враждующие классы» [19]. Аполитичная настроенность этой категории населения служила гарантом социальной стабильности в стране, полагал учёный [18]. Россия, пережившая глубокие социальные потрясения не сумела избежать и нового неравенства, проявившегося в формировании новых элит. Социологический оттенок этой части размышлений позволил учёному аргументировано показать универсальность таких процессов, равно как активизацию политической, социальной и культурной мобильности в переломные эпохи, что явилось характерным и для Советской России. Эта тема приобретает особую устойчивость в творчестве Федотова со второй половины 1930-х гг.

Федотов обладал способностью понимать семантическую сложность советского общества. Так, существование социалистического мещанства, констатированное им, рассматривалось параллельно с проблемой гуманизма, как потенциально возможного явления в Советской России [11]. Учёный не отри-

цал действительного поворота к человеку в стране, однако интерпретировал его в свете исключительно хозяйственных потребностей советской экономики. «Производство требует культурного человека: это новое открытие влекло за собою отступление не только от самодовлеющего техницизма, но и марксизма в его тоталитарных притязаниях» [11]. Подлинный же гуманизм возникает лишь в случае постановки в обществе проблем свободы и духовной жизни в «их взаимоотношениях», составляющих «самую тему гуманизма» [18]. Между тем, репрессивное отношение к любым подобным проявлениям в Советской России являлись непреодолимым препятствием для гуманизма. Однако, несмотря на это, полагал учёный, некоторые симптомы свидетельствовали о глубинных процессах в обществе.

В свете сказанного представляется уместным остановиться на интерпретации Федотовым феномена всенародного интереса к творчеству А.С. Пушкина в Советском Союзе, действительно имевшего знаковый характер. Нравственное значение этого фактора для России было особенно велико по двум причинам. Во-первых, в свете репрессивной политики по отношению к религиозной вере, проводимой советскими властями. Во-вторых, в связи с глубоким имморализмом последних, безгранично распространившимся в сталинский период, когда ложь перестала восприниматься как нечто непозволительное, напротив, став «всеобщей повинностью», развращающей не только власть, но и народ [19]. Всенародный интерес к Пушкину свидетельствовал о сохранении нравственной восприимчивости в среде, отмеченной деформацией религиозно-этических начал. В данном случае отчётливо проявилось одно из важных умозаключений Федотова – правящий строй в Советском Союзе, несмотря на его большую связь с народом, не может отождествляться с ним [19]. В личности и творчестве А.С. Пушкина, с его «незримым этическим фоном» [21] Федотову импонировало и выраженное в поэтической форме стремление синтезировать в русской жизни начала государственности и свободы. Их рассогласованность в практике российского государства, полагал Федотов, явилась одной из роковых причин катастрофических событий XX века [22]. Начертанный русским поэтом идеал – «синтез Империи и свободы» – рассматривался Федотовым в качестве исторического задания для русского народа.

Примечательно, что в Советской России первых десятилетий учёный усмотрел симптомы преодоления разрыва между государством и культурой [20]. В целом, возвращение отдельных элементов дореволюционной культуры, в том числе русской литературы, в советскую жизнь рассматривалось Федотовым в качестве положительного фактора, значение которого не ограничивалось появлением дополнительных возможностей для нейтрализации и преодоления негативных последствий культурного разлома страны. Динамика роста интереса к культурным ценностям, накопленным в прошлом, наряду с широким распространением элементарного просвещения, свидетельствовала о глубинных процессах, протекавших в недрах массового сознания русского народа. Одним из важных результатов их развития явилось преодоление элитарного характера отечественной культуры [15]. Её демократизация, осуществляемая высокими темпами, несмотря на понижение качественного уровня в России, свидетельствовала о приближении России к европейским стандартам образованности населения, являющейся важнейшим компонентом социокультурной модернизации общества. В этом, по убеждению Федотова, заключалось основное культурное содержание русской революции. Заметим попутно, что не менее важными в условиях тоталитаризации жизни в Европе и Советской России Федотов считал зарождение новых культурных тенденций. Среди них – появление «областнической, региональной литературы», рассматриваемой автором своеобразным показателем снижения уровня присутствия государства в жизни отдельного человека. Федотов писал: «Чем отличается областническая литература от национального эпоса ...? Главным образом отсутствием государства. Здесь человек-крестьянин живёт лицом к лицу с Богом и землёй ...». Среди писателей, которые «спасают бесценное и вечное» в России, Федотов упомянул Пришвина [23].

В своих произведениях учёный коснулся ещё одной важной проблемы, а именно «советского патриотизма», тесно связанного с системой ценностей советского человека. Его внимание к ней объясняется двумя причинами. Во-первых, большим значением патриотизма для созидательного исторического творчества народа. Отчасти именно поэтому Федотов подчёркивал высокую ценность исторической мифологии в жизни народов, как компонента национального сознания [24]. Во-вторых, одной из причин падения российского самодержавия он рассматривал нежелание русского солдата защищать свою страну. В связи с этим он подчёркивал: «За гнилой властью, за бедной техникой мы увидели народ, который отказался защищать родину» [25]. Констатация факта «выветривания русского патриотизма» в народе в предреволюционные годы по-особому оттеняла новое рождение патриотизма в советское время.

Учёный полагал, что первоначальными истоками советского патриотизма являлась потребность сталинского режима активировать энтузиазм советского народа, стимулировать с его помощью усилия по защите «завоеваний революции от внешних и внутренних врагов» [18]. Постепенно первоначальный революционный мотив, подчёркивал Федотов, оттеснился подлинной ценностью – любовью к России, что особенно ярко проявилось в тяжёлые годы II Мировой войны. Федотов отмечал: «... война разбудила ключи дремавшей нежности – к поруганной родине, к женщине, жене и матери солдата» [9]. В структуре советского патриотизма национальный компонент, рассматриваемый им как прорыв «бурной национальной стихии» [26], не вытеснил окончательно политического. Однако по его мысли, та-

кова природа любого патриотизма: «... политический ингредиент входит во всякое национальное сознание» [18]. Делая акцент на возрождении национального сознания, как условии национальной и религиозной самоидентификации народа учёный резюмировал: «Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России» [25].

Все обозначенные и многие другие проблемы историко-философской концепции советской истории Федотова центрированы на проблеме свободы, история которой в России всегда отличалась сложностью и даже трагичностью. Советский период, настаивал он, стал одним из её эпизодов. Свобода, зародившаяся на христианской почве средневековой Европы, подчёркивал учёный, оказалась чуждой по своему духу «византийско-московской традиции», возобладавшей в России. Возможность же её распространения в имперский период российской истории связывалась Федотовым с сохранившимися в глубинах коллективной памяти воспоминаниями о свободолюбивом киевском периоде отечественной истории [27, 16]. Однако в имперской России, полагал мыслитель, представления о свободе личности не получили широкого распространения, оставшись чуждыми основной массе населения, не принявшей её в свою систему ценностей. Это и сделало столь лёгким искоренение свободы в революционный период. «Весь процесс исторического развития на Руси стал обратным западноевропейскому: это было развитие от свободы к рабству», – констатировал мыслитель [9]. В России советской ситуация усугублялась и тем, что в ряду декларированных победившей революцией ценностей свобода не выносилась в качестве самостоятельной. «Свобода никогда не была основной темой русской революции», – подчёркивал учёный [15]. Федотов не исключал наличия некоторых проявлений свободы в стране, однако, не имевших «никакого отношения к свободе мысли, слова, культуры» [15]. В 1945 г. он писал: «Русская революция за 28 лет её победоносного, хоть и тяжкого бытия, пережила огромную эволюцию, проделала немало зигзагов, сменила немало вождей. Но одно в ней осталось неизменным: постоянное, из года в год, умаление и удушение свободы ...» [9].

В контексте своих размышлений он критически оценивал тенденции России к проявлениям политики изоляционизма по отношению к европейским странам, основным источником свободы для неё, как в исторической ретроспективе, так и в перспективе её дальнейшего развития [27]. Впрочем, и для Европы разрушение контактов с Россией представлялось Федотову губительным. Он настаивал: «... как европейская федерация немыслима без России, так и культурная жизнь России немыслима без Европы» [27]. Федотова всегда отличала универсалистская настроенность, обусловленная его теоретическими установками, особенно усилившаяся по окончании II Мировой войны, нашедшая своё отражение в его представлениях о перспективах развития мирового сообщества. Подобно некоторым другим русским мыслителям, например Бердяеву, учёный являлся сторонником реформирования прежних принципов мирового сотрудничества, будучи убеждённым в их несостоятельности: «Вторую войну можно понять лишь в теснейшей связи с первой, как её второй акт» [24]. Не сомневаясь в возможности единения мира, он предложил проект всемирной федерации, основанной на принципе сочетания политической власти единого центра и культурной автономии всех народов. Этот утопический по своему характеру проект предусматривал отказ России от «имперских притязаний» и её интеграцию во всемирную федерацию, что должно было сопровождаться её освобождением и раскрытием творческого потенциала русского народа [24].

Таким образом, концепция советской истории Федотова отразила противоречивый образ Советской России. Она сочетает объективную критику негативных её сторон с позитивными оценками ряда явлений, что может помочь становлению более взвешенных подходов к одному из наиболее сложных и мифологизированных периодов российской истории, исключение которого из целостной истории России как научно недопустимо, так и этически некорректно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 450–462.
2. Волкогонова О.Д. Интеллектуальная биография // http://www.philosophy.ru/libary/volk /berd.html
3. Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 442 с.
4. Мень А. Георгий Федотов // http://www.vehi.net/men/fedotov.html
5. Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идёт Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общей ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 323–333.
6. Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческое сознание // Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 34–67.
7. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163–187.
8. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 432 с.
9. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – 276–303.
10. Федотов Г.П. Правда побеждённых // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 15–40.

11. Федотов Г.П. Сталинократия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 83–97.
12. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 3–14.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. – Л.: ЭГО, 1991. – Т. 2. – Ч. 2. – 269 с.
14. Федотов Г.П. Социальное значение христианства // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – С. 50–78.
15. Федотов Г.П. Завтрашний день (Письма о русской культуре) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 188–205.
16. Федотов Г.П. Русская религиозность Ч. 1. Христианство Киевской Руси // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – М., 2001. – Т. 10. – 382 с.
17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 608 с.
18. Федотов Г.П. Культурные сдвиги // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 98–102.
19. Федотов Г.П. Тяжба о России // Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 103–121.
20. Федотов Г.П. Пушкин и освобождение России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 129–132.
21. Федотов Г.П. О гуманизме Пушкина // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 328–332.
22. Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 141–162.
23. Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 233–252.
24. Федотов Г.П. Судьба империй // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 304–326.
25. Федотов Г.П. Защита России // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 122–125.
26. Федотов Г.П. Новый идол // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 50–65.
27. Федотов Г.П. Федерация и Россия // Федотов Г.П. Судьба и грехи России / Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2-х томах. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 228–232.

УДК 9(С)17-03

УТЕРЯННЫЙ ШАНС РОССИИ?

А.В. Луценко

Северский государственный технологический институт
E-mail: kon@ssti.ru

Рассматривается эволюция российской либеральной идеологии конца XX века, оценивается историческая связь реформ 1990-х гг. с вестернизационной парадигмой русского освободительного движения второй половины XIX века, отслеживаются марксистские «корни» процесса вестернизации Российской империи, излагается позиция самого К. Маркса по вопросам о модернизации российской экономики и о роли общины в развитии страны.

Состояние российского общества в конце XX века можно охарактеризовать как чрезвычайно противоречивое. Своеобразие ситуации определялось двумя моментами:

1. С одной стороны, настойчиво декларировался отказ от идеологического обеспечения проводимых реформ, и это объяснялось застарелой идиосинкразией населения ко всему, что ассоциировалось с тоталитарным политическим режимом и авторитарным вмешательством государства во все сферы общественной жизни. Апологетов либерализации социальных институтов вся страна узнала в лицо и могла перечислить поименно, а их позиция была встречена на многотысячных митингах всеобщим ликованием, которое трактовалось как «упоение свободой», «праздник свободы мысли и слова, свободы выбора и действия». Во главе этого праздника стояли ученые, писатели, инженеры, экономисты, журналисты, адвокаты, артисты, – словом, вся интеллектуальная элита, которая горячо и аргументированно клеймила советский строй и марксизм как человеконенавистнические явления. Любая идеология воспринималась как средство давления на общественное сознание, как зло, с которым больше не хотели мириться.

2. С другой стороны, на фоне этого «упоения свободой» и заявленного отказа от идеологической заданности хронически обнаруживали себя в реальной жизни объективно фиксируемые признаки того, что принято считать идеологией со всеми ее понятийными параметрами. Доктор философских наук Акоп Назаретян отмечал любопытное обстоя-

тельство: в перестроечный период вроде бы потеряла всякий смысл та «ментальная схема», которая была выработана коллективным сознанием за советский период. Однако в 1990-е годы оказалось, что «все ее ячейки наполняются новым содержанием. Классовое “они – мы” заменяется на национальное; светлое будущее коммунистическое – на светлое будущее капиталистическое: последнее усилие – и начнется процветание; раньше как страшное воспринималось прошлое царской России, теперь – коммунистическое прошлое. Все ячейки в стереотипном мышлении быстро заполняются новым содержанием, при том что схема остается прежней» [1]. Кроме того, наряду с требованиями либерализации всех сторон общественной жизни естественным образом и ненавязчиво вписалась в общую схему декларируемых либеральных перемен концепция свободной экономической конкуренции, возможной лишь в условиях капиталистических отношений, механизм которых многим казался чрезвычайно простым: отдать фабрики, заводы, торговые и сервисные предприятия и т.д. трудовым коллективам. Но чтобы не оказалось обделенных, «чтобы как-то учесть интересы всех военных, учителей, чиновников, средства труда которых исключались из дележки, и была придумана “народная приватизация”» [2] с именными чеками, которые гарантировали гражданам достойный уровень жизненных благ. Задуманная реформа преподносилась как панацея. В начале ее предусматривалась оценка имущества всего хозяйственного комплекса страны, а последовательность мероприятий, предварявших «народную приватизацию», была изложена в программе Г.А. Явлинского «500 дней». Джордж Сорос, ознакомившись с этой программой, заявил, «что для страны это единственный путь спасения, а о Явлинском сказал: “Он так же гениален, как я”» [3]. Были и другие программы реформирования российской экономики, в процессе реализации которых общая, понимаемая как «ничья», собственность обрела бы своих законных владельцев. Граждане огромной страны терпеливо внимали речам реформаторов, мало понимая, чем отличалась приватизация «по Явлинскому» от приватизации «по Гайдару», «по Чубайсу», но возлагали свои надежды на компетентность и порядочность реформаторов.

Общество, убаюканное обещаниями светлого капиталистического будущего, наивно верило в то, что в стране с колоссальными материальными, природными и человеческими ресурсами жить хуже, чем жили, – невозможно, поэтому с пассивным недоумением взирало на скоротечное исчезновение как стабильности и порядка, так и гарантий того, что мелькавшие, словно в калейдоскопе, перемены будут позитивны для всех. «Упоение свободой» кончилось, когда граждане СССР обнаружили, что их государство, падая в небытие, обрушило за собой привычный жизненный уклад. Перестройка завершилась «шоковой терапией» и сменой господ, когда А.Б. Чубайс «добился замены именных приватизационных чеков ваучерами, которые можно продавать и покупать» [2]. Если именные приватизационные чеки давали каждому – от мала до велика – право на равную долю совокупной прибыли от всех отраслей государственного хозяйства, то ваучер изначально представлял собой для экономически полуграмотного населения нечто вроде фишки в казино, где шанс – «повезет – не повезет», «будешь иметь – не будешь иметь» – составлял пятьдесят на пятьдесят, а в условиях замораживания вкладов, невыплат зарплаты и наraставших инфляции и безработицы реально уменьшался до нуля еще и потому, что «под ваучеры народу выделили собственности на 150 млрд рублей в ценах 1991 г., а распределили не более десяти процентов. Остальное БЕСПЛАТНО взяли себе, в холдинги» [4]. Именно в государственные холдинги передавались контрольные пакеты акций полуприватизированных предприятий [4], и в России в одночасье возникли супербогатые люди, в основном из числа тех, кто близко стоял к руководству страны. Находили себе доходные места также и «бывшие» во власти. Так, в марте 1993 г. Ельцин подписал указ о создании Госинкора – государственной корпорации, которая, помимо продажи стратегического сырья, занималась еще и страхованием инвестиций от «политических» рисков. Госинкор безвозмездно получил здание в центре Москвы, 200 млрд рублей и 50 млн долларов в уставной фонд и 1 млрд долларов – в залоговый фонд. Возглавил Госинкор бывший руководитель администрации Ельцина Юрий Петров [4]. Примерно на таких же условиях были открыты Российская финансовая корпорация во главе с бывшим министром экономики РФ А. Нечаевым, фирма «ТИРОСС» (Технологии и инвестиции в России), которую возглавил бывший министр промышленности А. Титкин, фонд «Интерприватизация» под руководством В. Щербакова – бывшего вице-премьера последнего правительства СССР. Богатые фонды открылись также и в Госимуществе, и в Институте Гайдара, и т.д., и т.д. [4]. Народная молва справедливо нарекла этот процесс «прихватизацией». Пришедшие во власть реформаторы под видом «народной приватизации» назначали друг друга капиталистами и, открещиваясь от марксистской идеологии, объявляли себя преемниками идей русского либерализма конца XIX – начала XX века.

Однако, если окунуться в историю России того периода, то обнаружится парадоксальная ситуация: либералы царской России, плененные успехами процветающей Европы, нашли идеологическое соответствие своим устремлениям... на страницах «Капитала». Они так и писали тогда: «Марксизму удалось теоретически обосновать необходимость <...> конституционного строя» и исследовать механизмы перехода «к современному меновому индустриальному денежному хозяйству» [5]. И либералы, и социал-демократы России определяли марк-

сизм как «свою» программную идеологию и сотрудничали вплоть до II съезда РСДРП. Их объединяло «общее дело», понимаемое как подготовка общественного мнения к неизбежности широкой капитализации «дикой» и «лапотной» Руси: без обезземеливания крестьян не бывать в России свободному капиталистическому строю (что важно для либеральной буржуазии), не бывать и могучему рабочему классу – могильщику эксплуататоров (что было в интересах социал-демократов). Толчком к развитию светлого будущего русские либерал-социал-демократы называли переход «от натурального, преимущественно земледельческого, быта» [5] к индустриальному хозяйству, «уничтожение старой, прогнившей общины» [6], этого «средневекового хлама» [7], т.е. и те, и другие начало осуществления своих программ связывали с экспроприацией коллективной собственности крестьян России.

То, что процесс отрешения от средств производства и превращения в наемных рабочих может коснуться 85 % населения страны и привести к непредсказуемым последствиям, в тот период русские теоретики-реформаторы просто не брали в расчет. Да и позже анализ причин революции, гражданской войны и 70-летнего существования тоталитарного строя, мало похожего на социалистический, не включал в себя массовую экспроприацию крестьян в качестве главной причины катастрофы, постигшей страну. Может быть, поэтому реформаторы 1990-х гг. так безбоязненно решили повторить исторический опыт и провести новую экспроприацию всего населения страны в ускоренном – «шоковом» – темпе.

Однако к катастрофическим событиям в России Маркс никакого отношения не имел. Мало того, он не считал возможным использовать теоретические положения «Капитала» в российской практике. Это мнение возникло у Маркса в 1877 г. и укреплялось в последующие годы благодаря «специальным изысканиям». Предварительно выучив русский язык, он на протяжении 8 лет целенаправленно исследовал экономические и исторические условия России по первоисточникам. Казалось бы, для получения представлений достаточно было ознакомиться с сообщениями о состоянии финансов и сельского хозяйства в стране, составленными Н.Ф. Данилевским, русским экономистом, тем более что эти сообщения базировались на сопоставлении официальной статистики и земских сведений. Но Маркс хотел иметь объемное представление о хозяйственной структуре страны, поэтому параллельно проанализировал еще и выводы IV выпуска «Военно-статистического сборника», изданного русским Генеральным штабом, проштудировал 10 томов «Трудов податной комиссии» и «Свод отзывов губернских присутствий по крестьянским делам». Помимо этого, Маркс с большим вниманием отнесся к монографиям и научным исследованиям видных русских экономистов XIX в. В процессе разработки указанной тематики Маркс обращался также и к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, и к «Историческим монографиям и исследованиям» Н.И. Костомарова, и к произведениям Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Подробно, делая пометки и выписки, Маркс исследовал труды ученых – Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», Исаева «Артели в России», Воронцова «Судьба капитализма в России», Скребицкого «Крестьянское дело и царствование Александра II», Головачева «Десять лет реформы. 1861–1871», Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», Скалдина «В захолустье и столице», Гакстгаузена «Сельское устройство России», Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762», Каблукова «Очерк хозяйства частных землевладельцев», Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» [8]. Словом, Маркс всесторонне изучал проблемную тему России. Литературы о социально-экономическом положении этой страны у Маркса было много: он ее выделил особо, назвав «Russishes in my bookshelf» («Русское на моей книжной полке») [8]. Не удовлетворившись изучением книг с этой полки, он уточнял полученную информацию во время личных встреч с П.Л. Лавровым, Даниельсоном, Ковалевским, Утиным, Гартманом, Морозовым, Гиршем и другими, вел активную переписку со многими из них, в том числе и с В.В. Берви-Флеровским, который отбывал ссылку в сибирском Томске и книгу которого «Положение рабочего класса в России» немецкий ученый высоко оценил, поставив ее в один ряд с таким же исследованием Ф. Энгельса об участи английского пролетариата [9]. Осмысление двухтомного труда А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», равно как и всех перечисленных выше работ, шло через сопоставление с данными западноевропейских ученых. Анализ исследований Г.П. Маурера, Г. Хансена, Ф. Демелича, О. Утешновича, Ст. Янчини, Дж. Мани, Дж. Фира, У. Карлтона, Г. Мейна, Ф. Карденаса, Л. Кремаза, посвященных изучению земледельческой общины в странах Европы и в Индии, потребовал расширения знаний по всемирной истории, и Маркс для получения информации о роли крестьянской общины в истории народов всего европейского континента, о причинах и условиях уничтожения ее в ходе разложения феодализма воспользовался фактическим материалом, какой нашел в 18-томной «Всемирной истории» Шлоссера, в «Истории России» Келли, в «Истории России и Петра Великого» Сегюра, в работах Ботта, Коббета и других известных западноевропейских историков [8]. Результатом изучения и сравнительного анализа событий общеевропейского масштаба за период с I в. до н.э. по XVII в. н.э. было появление четырех тетрадей «Хронологических выписок» Маркса объемом около 105 печатных листов [8].

Исторические данные укрепили ученого в мысли о том, что земледельческие общины – обладательницы коллективной земельной собственности – не были причиной отсталости стран и погибали не потому, что изжили себя, не в результате капитуляции перед натиском прогрессивных перемен: все они умирали «насильственной смертью» [10] из-за внешних и внутренних войн или так, как это было в Ост-Индии, где «уничтожение общинной собственности на землю было лишь актом английского вандализма, толкавшим туземный народ не вперед, а назад» [10] – к необратимой социальной и физиологической деградации. Степень этой деградации напрямую зависела от скорости и масштабности разрушений: чем больше населения было охвачено общинным порядком и чем скоропостижнее оно подвергалось губительному воздействию, тем трагичнее для всей нации оказывались последствия, вплоть до исчезновения ее с лица Земли.

Русские либерал-социал-демократы, рассчитывая на развитие своего отечества по западноевропейскому образцу, не учли этого обстоятельства, хотя Маркс трижды писал русским: его доктриной, изложенной в «Капитале», не следует пользоваться как «универсальной отмычкой» [11], ибо результат экспроприации крестьян зависит не от правильности выбора теории, а от исторических условий [11]; общинная собственность на землю служит основой не отсталости, а возрождения России [12, 11]. России не нужен западный путь, иначе «она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу» [11]. Более подробное разъяснение этих позиций Маркса сохранилось в черновых набросках ответного письма Вере Засулич [10], где Маркс акцентировал внимание на исторических особенностях России. Если сравнивать ее с западноевропейскими государствами, то «в Западной Европе смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам» [10]. Разорение крестьянства носило поэтапный характер. К тому же массовая экспроприация землевладельцев пришлась на время урбанизации Европы, когда ряды крестьянства уже поредели настолько, что их интересами правители могли без опаски пренебречь. И все же, несмотря на столь смягченный вариант, период экономической ломки тем не менее остался в исторической памяти европейцев как время тяжелейшего испытания: капиталистический способ производства утверждался на бедственном положении тысяч разоренных земледельцев, познавших муки безработицы, нищеты, голода и моральной деградации. В России же в аналогичной ситуации могут оказаться не тысячи, а десятки миллионов людей, потому что к крестьянскому сословию, которое русские реформаторы затеяли экспроприировать, относится 85 % населения. Опасность разрушительных последствий в этом случае многократно увеличивается, и эту страну ожидает катастрофа невиданных масштабов. Когда реформаторы XIX в. объявляют, что они хотят осчастливить свой народ, который «по дикости» не понимает ни своей выгоды, ни того, что искоренить устаревшие «азиатские формы» экономики и «сократить агонию» «дряхлой» общины является «добрым делом», как будто речь идет «просто-напросто о враге, которого надо сокрушить» [10], то на самом деле, по мнению Маркса, «русское правительство и новые “столпы общества”, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе» [10], как кровавая революция, наподобие бессмысленного и беспощадного бунта, сокрушающего все и всех на своем пути. Недаром же Карл Маркс при чтении «Исторических монографий и исследований» Н.И. Костомарова особое внимание уделил восстанию Степана Разина, составив комментированные выписки об этом событии российской истории [8].

Русские реформаторы, настроенные на капитализацию страны, решили все за всех без учета мнения главного кормильца России. Не учитывали они и того, что не всякая экспроприация земледельцев приведет к торжеству капиталистического строя. Маркс напоминал о судьбе плебеев Древнего Рима: «в ходе римской истории» одни крестьяне лишились всего, «кроме своей рабочей силы», а другие стали владельцами «всех приобретенных богатств». Но «римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной чернью <...>, развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства» [10]. Как и почему это произошло, позднее проанализировал ученик Маркса Карл Каутский в своем исследовании «Происхождение христианства». Ученый-историк писал, что начало античного экономического процесса, действительно, поражает своим внешним сходством с периодом возникновения современного европейского капитализма: и в том, и в другом случае основой перемен является экспроприация – ограбление большинства меньшинством. Но далее похожесть исчезает: «если современного капиталиста характеризует страсть к накоплению капитала, то знатного римлянина времен Империи <...> отличает страсть к наслаждению» [13]. Причины этой непохожести следует искать в том, как распоряжались своими богатствами собственники двух эпох. Современный капиталист вынужден вкладывать накопленные средства в улучшение и расширение производства, «если он не хочет быть побежден на поле конкуренции» [13], где все решает более высокая производительность предприятий, их техническая оснащенность. Античному богачу эти заботы были не нужны, потому что свое участие в экономическом процессе он видел лишь в замене изношенных орудий труда на другие того же образца, а также в по-

купке скота и рабов, трудами которых держалось все хозяйство. Остальные средства «могли быть употреблены рабовладельцами на свои личные удовольствия <...>. Чем больше увеличивались избытки <...>, тем больше преимущественной социальной функцией господствующих классов становилось расточение этих избытков, тем больше разгоралось желание превзойти друг друга роскошью, блеском, праздностью <...>. Рядом с ними жили сотни тысяч свободных граждан <...>, они экономически являлись лишними людьми в обществе <...>. Античный люмпен-пролетариат <...> был совершенно не нужен и мог исчезнуть без всякой опасности для общества <...>. Он вообще не работал, да и не хотел работать. Он требовал участия в наслаждениях богачей, он добивался другого распределения не средств производства, а средств наслаждения, грабежа богатых, а не изменения способа производства» [13]. Такое общество в своем развитии не могло не зайти в тупик и в конце концов становилось лакомой добычей других народов. Больше всех при этом теряли те, кто больше имел.

Но это еще не всё. Есть еще одна причина, по которой в России «западный прецедент <...> ровно ничего не доказывает» [10]: Россия – единственная европейская страна, в которой земледельческая община сохранялась «в национальном масштабе», «как чуть ли не господствующая форма народной жизни на протяжении огромной империи» [10]. При проведении экспроприации разговор в этой стране пойдет не о смене видов частной собственности, как это произошло в Европе, а «о замене капиталистической собственностью собственности коммунистической» [10] (курсив мой – А.Л.), что равносильно повороту от общественного прогресса к социальному регрессу. Иначе как объяснить тот факт, что в странах Западной Европы, где уже утвердился капитализм, народы ведут борьбу именно за то, что в России исторически сложилось естественным образом? Ведь в своих лозунгах пролетарии западных стран требуют заменить «капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность – высшей формой архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической» [10].

Если уж и вести разговор о прогрессивных переменах в жизни такой огромной земледельческой державы, как Россия, то при взгляде на ситуацию «с чисто экономической точки зрения» [10] вывод мог быть только один: изменения начинать следовало бы с оказания организационной, интеллектуальной и материальной поддержки наиболее мощной производительной силе страны. Вместо этого, вопреки экономической целесообразности, государство «за счет крестьян <...> выпестовало те отрасли западной капиталистической системы, которые, нисколько не развивая производительных возможностей сельского хозяйства, особенно способствуют более легкому и быстрому расхищению его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического паразита, который высасывал и без того оскудевшую кровь «сельской общины» [10]. То, что в России убивали «курицу, несущую золотые яйца» [10], – было ясно, как день: «средние цифры за последние десять лет показывают не только застой, но даже падение сельскохозяйственного производства <...>. Впервые в России приходится ввозить хлеб, вместо того чтобы вывозить его» [10]. Царь, правительство и либерально настроенные общественные движения просто не знают, что делать с огромной массой разоряющегося народа: «община, раздавленная вымогательствами государства, ограбленная торговцами, эксплуатируемая помещиками, подрываемая изнутри ростовщиками» [10], была постоянным укором для всего общества, так долго жившего «на счет сельской общины» [10] и пожелавшего найти без потерь для себя быстрое решение возникших проблем. Пример высокоразвитого Запада учил: «нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян» [10], чтобы оно взяло на себя бремя налогов, а остальную массу бедных земледельцев «превратить просто в пролетариев» [10], обеспечив новых и старых господ дешевой рабочей силой. Не революционеры-агитаторы, а именно «русское правительство и “новые столпы общества” делают все возможное, чтобы подготовить массы» [10] к революции-катастрофе, в то время как России нужна совсем иная революция – не ради диктатуры пролетариата, не ради передела собственности, а как экстренный способ устранения от власти тех правителей, которые бездарно руководят страной, «обескровливают и терзают общину» [10], дабы русское общество, «как только правительственные путы будут сброшены» [10], могло полноценно и целенаправленно использовать свой материальный и интеллектуальный потенциал на организацию постепенного преобразования жизни крестьян, начав «с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее нынешней основе» [10], а основой ее была коллективная собственность.

Однако Маркса не послушали и повели Россию не к «революции менеджмента», а к революции-катастрофе. Иного и быть не могло при той общей политике царизма, в том числе и фискальной, которая приобрела характер хищного вымогательства. Данные Комиссии для пересмотра системы податей и Сельскохозяйственной комиссии, проанализированные Марксом, свидетельствуют о том, что в бюджет страны «бывшие помещичьи крепостные платили из своего дохода с сельского хозяйства 198,25 %, так что им приходилось отдавать правительству не только весь свой доход с земли, но почти столько же отдавать из заработков, которые они получали за разные работы <...> другие» [14]. В то же время помещики-землевладельцы налогов государству не платили вовсе. Мало того, они не погашали

долги по ипотекам, которые в 1877 г. выросли до 366,5 млн руб. [14] при доходной части российского бюджета в 548 млн [14]! К началу 1878 г. в России все долги казначейству доходили уже до 470 млн руб.; из них задолженность крестьян составляла всего 6,9 % (т.е. лишь 32,5 млн) [14]. Выплачивая все возложенные на них грабительские налоги и все долги, крестьяне массово разорялись. А газеты пестрели агрессивными заявлениями «поклонников капиталистической системы» [10]: «Кто бедствует и не желает трудиться, – твердил в своих публичных выступлениях лидер крайних правых Н.Е. Марков, – тем место не на свободе, а в тюрьме, или они должны быть вовсе исторгнуты из государства, это – пропойцы или лодыри» [15]. Ему вторили и другие: «Надо уничтожить треть народа, тогда хватит земли на всех» [16]. Важно отметить, что эти речи звучали после революционных событий 1905 г., когда прозападная элита бравировала тем, что миллионы необразованных крестьян якобы даже не понимают, что с ними делают, и живут примитивной безразличной жизнью. Маркс как будто бы предвидел подобную трактовку пассивности народных масс, поэтому сделал в своих записях акцент на том, что состояние психологической фрустрации народа России на самом деле явится не следствием мужицкой тупости, а закономерным итогом безнравственной политики властей: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда – и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям» [10]. Это – «тихий» протест, который означает, что мужицкое настроение «Земли и воли!» не утихомирилось. «Брожение» ушло вглубь, новый взрыв неизбежен. Но воевать теперь крестьяне будут «с умом»: «Которые дымократы, мужички, значит, начнем бить белократов – вас, господ. Всю землю начисто отберем и платить ничего не будем» [16].

Маркс доказывал, что именно так и обернется дело, если не сменить безнравственную власть, но был вынужден констатировать: «Русские, с которыми я поддерживаю личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов» [10]. Лишь позже – правда, уже постфактум, после революции-катастрофы, находясь в эмиграции, – они вынуждены были признать то, что разрушение русской общины, этого особого мироустройства, пагубно отразилось на судьбе не только страны, но и их личной судьбе. Выводы эмигрантов-реформаторов, похожие на запоздалое прозрение и покаяние, подводят черту под их попытками грубо вмешаться в исторический процесс без понимания того, что «общество не делается и не учреждается людьми, а твориться наподобие органических существ, произрастая из прошлого» [17], что «государство не может по щучьему велению перестраиваться по любому трафарету, по любой теоретической схеме» [18], что «революции <...> с безумной мечтой начать жизнь сначала <...> караются либо смертью общества, либо изобличением своего бессилия и своей лжи» [17].

Если бы эти мысли своевременно посетили реформаторов-либералов конца XIX – начала XX вв., то, может быть, Россия действительно не упустила бы данный ей историей уникальный шанс. Что же касается либеральных реформаторов нашего времени, то они повели Россию по тому же пути, что и либералы XIX века, считая, что в провале демократических рыночных преобразований начала XX столетия виновны большевики с их человеконенавистнической марксистской идеологией. Но кого теперь обвинить в том, что идея «народного капитализма» так и осталась просто идеей? Утверждения некоторых либералов-прагматиков о том, что часть населения все еще живет советскими стереотипами и потому не может приспособиться к условиям рыночной конкуренции, выглядят методологически несостоятельными, поскольку в число «неприспособленных» попадает приблизительно одна треть трудоспособного населения страны с индустриальной структурой производства. Если критически осмыслять уроки истории, то когда вследствие либеральных реформ царского правительства была экспроприирована одна треть общинной собственности, и 3 млн крестьянских семей оказались обезземеленными и лишенными средств к существованию (большевики еще не были у власти!), то итогом этого стали революционные события 1917 г. А когда в России одна треть населения оказалась за чертой бедности и августовским дефолтом 1998 г. началась вторая волна экспроприации, то Б.Н. Ельцин был просто вынужден «добровольно» уйти в отставку. От греха подальше.

Этот уход положил начало рождению новой идеологии. Она еще не получила четкого, подобного политической программе, оформления. Однако главным элементом этой идеологии, безусловно, является стремление государственной власти стабилизировать социальную систему, чтобы предотвратить повторение катастрофических сценариев прошлого – естественно, с поправкой на технико-экономические реалии нашего времени. Малейшее нарушение существующего хрупкого равновесия общественных сил в пользу либералов-прагматиков может привести страну к социальному взрыву наподобие весны 1917 г.; и напротив – любые уступки власти требованиям экспроприированного большинства чреваты повторением репрессий 1937 г. Таким образом, современную идеологию в первом приближении можно охарактеризовать как стратегию сбережения общества. Будет ли она идеологией действительного возрождения России – время покажет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Человек и агрессия (круглый стол) // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 92–105.
2. Ясин Е. О пользе сомнения // Знамя. – 1994. – № 9. – С. 171–174.
3. Бакланов Г. Где пышнее пироги // Знамя. – 1994. – № 9. – С. 184–185.
4. Пияшева Л. Проигранный шанс // Знамя. – 1994. – № 9. – С. 154–170.
5. Изгоев А. Русское общество и революция. – М.: Русская мысль, 1910. – 275 с.
6. Ленин В. Несколько замечаний по поводу «ответа» Маслова // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. – Т. 17. – С. 256–270.
7. Ленин В. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. – Т. 17. – С. 57–137.
8. Даты жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1875 – май 1883) // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 597–626.
9. Бурмакин Э. Последний утопист // Сибирские Афины. – 1990. – № 1 (апрель). – С. 8–9.
10. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 400–421.
11. Маркс К. Письмо в редакцию журнала «Отечественные записки» // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. – Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 116–121.
12. Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 250–251.
13. Каутский К. Происхождение христианства. – М.: Политиздат, 1990. – 463 с.
14. Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России // Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд. Т. 19. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 422–441.
15. Государственная Дума. Третий созыв: Стенографический отчет. Сессия вторая. Часть 1. – СПб., 1908. – 154 с.
16. Меньшиков М. Крестьяне и Дума // Новое время. – 1908. – 21 июня, 2 сентября.
17. Франк С. Религиозные основы общественности // Путь. – 1925. – № 1. – С. 14–29.
18. Петрункевич И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. – 1934. – Т. 21. – 411 с.